

О мистификациях Пушкина и сказке Ершова «Конёк-горбунок»

Как известно, у А.С. Пушкина с детских лет было великолепно развито чувство юмора. Одна из самых первых его шуток — находчивый ответ рябоватому баснописцу И.И. Дмитриеву в московской гостиной родителей. *«И.И. Дмитриев сказал: «Посмотрите, ведь это настоящий арапчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Рябчик и арапчик оставались у нас целый вечер на зубах»,* — вспоминал писатель М.Н. Макаров¹.

Одна из последних шуток Пушкина была саркастической. В конце 1836 года, когда его свояченицу Е.Н. Гончарову просватали за Ж.-Ш. Дантеса, К. Данзас при выходе из театра поздравил её, а Пушкин сказал другу по-французски: *«Моя свояченица не знает теперь, какой национальности она будет: русской, французской или голландской?!»*²

Пушкин любил и ценил шутки, розыгрыши, сочинял занятные байки и заведомые небылицы, рассказывал приятелям анекдоты о своих забавных «похождениях», собирал и записывал любопытные случаи из жизни исторических лиц, мог иногда разыграть и даже мистифицировать друзей.

Такой мистификацией, оригинальной «устной новеллой», Л.П. Гроссман³ считал рассказ поэта Павлу Воиновичу Нащокину о своём жарком любовном приключении с блестящей великосветской дамой, в которой угадывается жена австрийского посланника Дарья Фёдоровна Фикельмон, хотя она пользовалась в свете безупречной репутацией. Нащокин поддался на розыгрыш и из соображений деликатности просил П.И. Бартенева, записавшего его воспоминания, не называть имя женщины в печати. Бартнев слово сдержал: имя Долли осталось только в его черновиках. Впервые рассказ Нащокина был опубликован М.А. Цявловским в 1922 году в статье «Пушкин и графиня Фикельмон»⁴. Хотя далеко не все пушкиноведы солидарны с мнением Гроссмана, нам оно представляется обоснованным. На это указывает ряд деталей «устной новеллы», если в них вдумчиво вчитаться. Так, поэт, которому не 18-20, а уже 33 года (приключение относят к 1832 году), несколько часов лежит под диваном. В то время диваны делали, как правило, довольно низкими, и взрослому человеку забраться под них было непросто, а тем более долго лежать. Даже если предположить, что диван оказался достаточно высоким, чтобы под него можно было легко влезть, другие подробности «новеллы» ещё более красноречивы: *«Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Перед камином была разостлана пыльная полость из медвежьего меха. Они разделались донага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех...»*⁵. И всё это при том, что муж был дома и мог эти «восторги сладострастия» слышать.

Дорогих стойких духов в комнате богатой великосветской дамы наверняка было несколько склянок, что-нибудь около полулитра. Из рассказа в любом случае следует, что «любовники» отнюдь не юного возраста вылили на себя много духов. Однако нельзя поверить, что утром благоухающего женскими духами Пушкина француженка, наперсница Долли (якобы опытная в таких делах: т.е. выходит, эта безупречная, по мнению света, дама постоянно водила домой любовников?), вывела в сени прямо через комнату обманутого Карла Фикельмона. Возможно, он спросонья и не видел Пушкина из-за ширмы, но сильный запах должен был почуять. Духи тогда делались на масляной основе, глубоко впитывались в кожу, быстро от них отмыться невозможно. Что сказала бы ревнивая Наталья Николаевна, явись Пушкин домой в ореоле стойких женских ароматов? Пощёчиной тяжёленькой ручки своей мадонны поэт бы здесь явно не отделался. Нащокин, очевидно, не вникал глубоко во все эти детали, потому и попался на розыгрыш друга.

Однако в своих главных произведениях Пушкин был серьёзен и не прибегал к грубым мистификациям. Опубликованные им якобы как издателем «Повести Белкина», никого в заблуждение не ввели — читатели знали, что это лишь творческий приём и повести принадлежат перу самого Пушкина. Тем не менее, в последние десятилетия появился ряд «сенсационных» публикаций, представляющих великого поэта «великим мистификатором». Принадлежат они в основном перу А.А. Лациса и его последователя В.А. Козаровецкого. Вот что писал последний: *«Пушкин был одним из самых крупных и ярких мистификаторов в истории не только русской, но и мировой литературы. Очутившись после лица в Коллегии иностранных дел под началом графа Каподистрия, который с помощью шифров переписывался с греческими патриотами, Пушкин осваивает тайнопись, а с 20 лет, оказавшись в ссылке и под приглядом власти и цензуры, он до самой смерти использует приемы шифровки и мистификации: придумывает произведения, якобы принадлежащие известным писателям или являющиеся переводами с других языков; публикует свои стихи под чужими именами; ставит многоточия вместо будто бы пропущенных строк; меняет даты у стихов, чтобы их нельзя было привязать к определенным событиям; вставляет опасные для его времени записи среди записей других лет, для чего оставляет в дневниках и тетрадях пустые страницы; среди черновых набросков, не предназначенных для печати, вписывает верноподданнические строки для отвода глаз соглядатаев III отделения; вписывает ключ к шифрованным строкам якобы уничтоженной X главы «Евгения Онегина»; в хозяйственную тетрадь...»*⁶.

В подобных сочинениях часто действительные события соседствуют с вымыслом, с недобросовестным или неквалифицированным анализом, когда замалчиваются факты, не укладывающиеся в рамки выдвигаемых гипотез, применяется выборочное цитирование, искажающее смысл, и т.п. Примером могут служить курьёзная версия о еврейском происхождении⁷ Пушкина, также выдвинутая А.А. Лацисом, и гипотеза о том, что Пушкин, якобы ведя игру со своими врагами и с царём, сам написал себе в ноябре 1836 года анонимные письма. Эта гипотеза, выдвинутая доктором экономических наук, академиком РАН Н.Я. Петраковым⁸, не выдерживает критики: такое поведение по меркам XIX века являлось в высшей степени бесчестным, а наш великий поэт в вопросах чести был очень щепетилён.

Подобные работы В.С. Непомнящий назвал «домашним литературоведением». Одни ученые просто не обращают на них внимания, другие аргументировано критикуют, относя их к ненаучному «сенсационному пушкиноведению», которое активно осваивает пространство интернета, вводя в заблуждение читателей-неспециалистов.

Особенно жесткой и совершенно справедливой, на наш взгляд, критике подвергается утверждение, что не П.П. Ершов, а А.С. Пушкин — настоящий автор известной сказки «Конёк-Горбунок», которую следует включить в собрание сочинений великого поэта. В.А. Козаровецкий уже довёл дело до издания в 2009 году в издательстве НПЦ «Праксис» книги «Конёк-горбунок», где на обложке имя Ершова зачёркнуто и поставлено имя Пушкина. Позднее было выпущено ещё несколько тиражей такого издания.

Факты биографии П.П. Ершова, переписка, документы, воспоминания современников свидетельствуют о том, что он был человеком благородным и порядочным, ни в чём бесчестном не замешанным. Печально, что гипотеза о нём как о бесталанном подставном авторе знаменитой сказки порочит честное имя этого человека, ведь по менталитету пушкинской эпохи он поступил подло, не объявив после смерти А.С. Пушкина об авторстве великого поэта в отношении «Конька-Горбунка».

Суть основных аргументов в пользу этой литературной «сенсации» (по книге А. Лациса «Верните лошадь!»⁹ и публикациям в прессе) сводится к следующему:

- Ершов не мог написать в 1834 году в возрасте 18 лет такой великолепной сказки, о его работе над ней нигде не упоминается, сам себя он автором нигде не называет и ни одной талантливой строчки в последующем не написал;
- Пушкин с помощью П.А. Плетнёва якобы привлёк его студента — юного Петра Ершова — в качестве подставного автора своей сказки за весьма скромную плату в 500

рублей, а сам получил потом за публикацию отдельным изданием 25-30 тысяч рублей, которые утаил от жены;

- Другой причиной мистификации Пушкина стали цензурные соображения: в произведении ещё неизвестного Ершова цензоры оставили бы без внимания «крамольные» места, где царский Спальник — пародия на шефа жандармов Бенкендорфа, а «державный кит», проглотивший корабли, — намёк на царя, сославшего декабристов в Сибирь.

- Ершов, перерабатывая сказку «Конёк-горбунок» к изданию 1856 года, ухудшил её, ввёл неуклюжие обороты и дописал новые стихи, которые следует исключить при публикации сказки под именем Пушкина.

В.С. Непомнящий, отвечая в 2009 году на вопросы журналистов «Новой газеты», сказал: *«Известно, что Пушкин написал первые четыре стиха и внес поправки в текст Ершова, все остальное домысли»*. Несколько позднее он добавил: *«Про издание, где Козаровецкий формирует текст, поживившись на свою интуицию: «когда исправления текст заметно улучшают, они принимаются как пушкинские, а когда исправления текст очевидно ухудшают, они отбрасываются как ершовские», говорить нечего, а не то что отвечать в письменном виде»*¹⁰.

Более подробную отповедь деятельности В.А. Козаровецкого дала Наталья Тархова¹¹ в той же «Новой газете», показав несостоятельность его аргументов. Она привела и воспоминания профессора В.В. Григорьева о том, как его однокурсник Ершов писал сказку на скучных лекциях в Петербургском университете, и о письмах Ершова, где он называет себя родителем сказки. Разбивает исследовательница и все финансовые построения авторов курьёзной гипотезы: называемых ими баснословных гонораров поэт никогда не имел (к примеру, за публикацию всего романа «Евгения Онегина» ему заплатили 8000 рублей) и о получении им в 1834 году таких крупных сумм ни прямых, ни косвенных подтверждений нет.

Ещё более детально опровергает доводы Лациса и Козаровецкого Т.П. Савченкова в статье «Конёк-Горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения»¹². Исследовательница показывает, что Ершов обладал всеми юридическими правами на сказку, о своём авторстве писал многократно, заключал договоры с издателями. Она также приводит аргументы в пользу того, что Пушкин не сочинил, а только поправил первые четыре строки сказки Ершова.

Добавим, что кроме сказки «Конёк-Горбунок» П.П. Ершов написал и другие интересные поэтические произведения, в настоящее время практически неизвестные широкому кругу читателей. В их числе, на наш взгляд, выделяются поэмы по мотивам старинных преданий «Сибирский казак» и особенно «Сусге». Ершов отлично владел техникой стихосложения и, как будет показано ниже, его лексикон достаточно богат, что ярче всего проявляется именно в произведениях на народные сюжеты. Перерабатывая свою знаменитую сказку в 1856 году, Ершов вовсе не подпортил её, по нашему мнению, а наоборот — обогатил неизбитой народной лексикой, приблизил к языку подлинных русских сказок. Это уже не раз отмечали в своих трудах специалисты¹³, и мы полностью согласны с их заключением. Отрывок, приводимый А. Лацисом в книге «Верните лошадь!» как пример ухудшения текста Ершовым, таким вовсе не является:

Редакция 1834 г.

*Мужички такой печали
От рожденья не видали;
Стали думать да гадать -
Как бы вора им поймать;
И решили всенародно:
С ночи той поочерёдно
Полосу свою беречь,
Злого вора подстеречь.*

Редакция 1856 г.

*Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.*

Кроме народной лексики, как в вышеприведённом примере, Ершов одновременно ввел в сказку и некоторые литературные тропы, повышающие образность поэтического текста, например, синекдоху «Всем ушам на удивлень», которую создатели гипотезы об авторстве Пушкина сочли ухудшением текста.

Наталья Тархова справедливо замечает: «У Ершова переключка только с одной пушкинской сказкой — «О царе Салтане...», которая, единственная к тому времени, была напечатана и послужила юному автору непосредственным толчком к его работе. А использованные в «Горбунке» цитаты из «Салтана» — элементарные заимствования сказочной атрибутики, каких много в нём и из других сказок, не пушкинских».

«Сказка о царе Салтане...» и «Конёк-Горбунок», хотя и написаны одинаковым размером — четырёхстопным хореем, заметно отличаются и по лексике, и по творческому почерку поэтов и даже по ритмике. Для читателя с развитым музыкальным слухом и чувством ритма это очевидно.

Однако «поверим алгеброй гармонию» и покажем, насколько различаются две сказки по ритмическому рисунку, воспользовавшись методом статистического анализа поэтических произведений, разработанным Андреем Белым и Борисом Томашевским, которые исследовали с его помощью роман «Евгений Онегин», написанный четырёхстопным ямбом¹⁴.

По аналогии с этим размером в четырёхстопном хорее можно теоретически выделить стихи следующих типов:

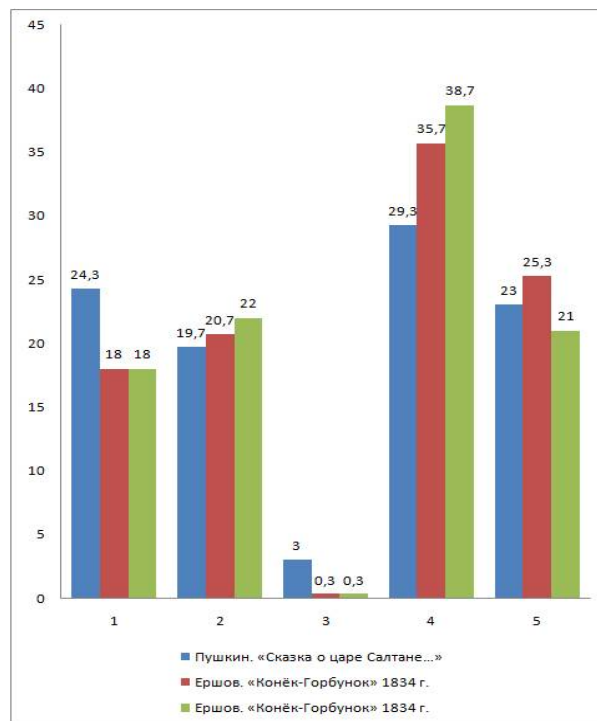
- 1-й. Присутствуют все четыре сильных метрических ударения («Старший умный был детина»);
- 2-й. Отсутствует 1-е метрическое ударение («Мужички такой печали»);
- 3-й. Отсутствует 2-е метрическое ударение («Около царя сидят»);
- 4-й. Отсутствует 3-е метрическое ударение («Братья сеяли пшеницу»);
- 5-й. Отсутствуют 1-е и 3-е метрические ударения («Отродясь не видали»);
- 6-й. Отсутствуют 2-е и 3-е метрические ударения («Сгорбленны и безобразны»);
- 7-й. Отсутствуют 1-е и 2-е метрические ударения.

Отметим, что 6-й тип встречается редко, а 7-й вообще не встречается в изученных нами первых 300 стихах сказок Пушкина и Ершова, что неудивительно: в таком стихе первое сильное ударение должно приходиться на 5-й слог, а это для русской речи не характерно.

Для наглядности добавим к двум сказкам ещё раннюю редакцию «Конька-Горбунка» (1834 г.) и написанные нами в 2011 году по мотивам сюжетов няни Пушкина и стилизованные в духе XIX века «Святочные сказки Арины Родионовны»¹⁵, чтобы нагляднее показать, насколько отличается у разных авторов ритмический рисунок одного и того поэтического размера в произведениях одного типа — сказках. Причиной выбора нашей сказки послужило нежелание обидеть ненароком кого-либо из поэтов-сказочников или их потомков.

Результаты подсчётов на 300 строк представлены в таблице (в абсолютном выражении) и на диаграмме (в процентах):

Тип хоря	1	2	3	4	5	6
Пушкин. «Сказка о царе Салтане...»	73	59	9	88	69	2
Ершов. «Конёк-Горбунок» 1834	54	62	1	107	76	0
Ершов. «Конёк-Горбунок» 1856	54	66	1	116	63	0
Егорова. «Святочные сказки...»	48	67	37	86	61	1

Как наглядно видно из этой таблицы и особенно из диаграммы, у Ершова по сравнению с Пушкиным заметно меньше стихов со всеми четырьмя метрическими ударениями (на треть!) и с пропуском только 2-го ударения, а также заметно больше с пропуском только 3-го ударения. Таковы основные особенности его подсознательных ритмических предпочтений. С небольшими отличиями они повторяются в каждой сотне строк. Существенное различие в ритмике сказок Пушкина и Ершова налицо. У Пушкина ритмический язык гармоничнее за счёт большего числа стихов со всеми четырьмя ударениями (тип 1) и более разнообразен за счёт гораздо большего (в 9 раз!) числа стихов 3-го типа и наличия стихов 6-го типа.

При этом ритмический рисунок двух редакций «Конька-Горбунка» отличается далеко не так значительно: в трёх графах из шести мы видим полное совпадение, в остальных различия заметны, но невелики. За 22 года ритмические предпочтения П.П. Ершова изменились, но непринципиально: он так отредактировал стихи, что стал несколько чаще пропускать только третье ударение (тип 4) и реже первое и третье ударения (тип 5). Если перевести данные в проценты и рассчитать среднее квадратическое отклонение частоты появления разных типов стихов по двум редакциям, получим значение 2,2 процентного пункта. Тот же показатель по сравнению со «Сказкой о царе Салтане» гораздо выше: редакции 1834 г. — 4,0 пункта, редакции 1856 года — 4,9 пункта. На первый взгляд, это может показаться и не очень большим различием, но на самом деле не так. Речь идёт именно о процентных пунктах, и отклонение, к примеру, 6,3% при доле стихов 1-го типа у Ершова 18%, составляет больше трети. Заметит, что сравнительные расчёты Б.В. Томашевского по ритмике VIII и IX глав «Евгения Онегина» даёт значение среднего квадратического отклонения всего 1,3 пункта, что говорит о стабильности ритмических предпочтений Пушкина.

В наших «Святочных сказках...» гораздо меньше, чем в «Сказке о царе Салтане...», стихов со всеми 4-мя метрическими ударениями, почти столько же пропусков только 3-го ударения, несколько меньше — одновременно 1-го и 3-го ударений, больше пропусков толь-

ко 1-го ударения и в 4 раза больше пропусков только 2-го ударения. Среднее квадратическое отклонение составляет 5,1 процентного пункта, т.е. почти как для редакции «Конька-Горбунка» 1856 года. При этом различие ритмического рисунка наших «Святочных сказок» со сказкой Ершова тоже очень существенно: среднее квадратическое отклонение — 6,1 пункта к редакции 1834 г. и 6,4 пункта — к редакции 1856 г.

Вообще говоря, специально добиться хотя бы приблизительного совпадения ритмического рисунка очень трудно. К примеру, В.Я. Брюсову, написавшему продолжение «Египетских ночей» Пушкина, это при всём желании совершенно не удалось¹⁶. Мы знаем лишь один пример более-менее успешного подражания ритмическому рисунку произведения Пушкина. Это написанная онегинской строфой «Тамбовская казначейша» М.Ю. Лермонтова¹⁷.

Напевность стиха воспроизвести, оказывается, проще: число гласных на 1000 звуков в «Сказке о царе Салтане...» и наших «Святочных сказках...» практически одинаково — 425-427 (впрочем, мы к этому не стремились, вышло само собой). В сказке Ершова (редакция 1856 года) данный показатель заметно ниже — 404-408. При чтении вслух это чувствуется: в «Коньке-Горбунке» говорных стихов больше, хотя эта сказка тоже напевна в сравнении с прозаической речью, где на 1000 звуков обычно около 380 гласных. Таким образом, напевность «Сказки о царе Салтане...» больше, чем «Конька-Горбунка», примерно настолько, насколько напевность «Конька-Горбунка» выше напевности прозаической речи. Отметим, что в ранней редакции сказки (1834 г.) на 1000 звуков гласных ещё меньше — 387-392. То есть Ершов, дорабатывая своё произведение, сделал его более напевным.

Оценить лексическое богатство литературного произведения помогает количество разных слов из взятых подряд 1000 слов в тексте. В сказке Ершова разных слов около 500 на 1000 в редакции 1856 года и 486-490 в редакции 1834 года, что само по себе является очень хорошим показателем при наличии полных или частичных рефренов в тексте¹⁸. Например, в знаменитой народной поэме А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» он составляет около 450 в среднем¹⁹, и это тоже хороший показатель.

Однако у Пушкина в «Сказке о царе Салтане...», где в изученных последовательностях слов примерно столько же рефренов, как у Ершова, объем лексикона гораздо больше — 540-555 слов на 1000. А в «Евгении Онегине», где повторы стихов практически отсутствуют, этот показатель составляет около 620 с небольшой вариацией по разным главам²⁰.

По составу лексикон Ершова очень существенно отличается от пушкинского. Т.П. Савченкова насчитала в «Сказке о Коньке-Горбунке» около 400 слов и оборотов, отсутствующих в «Словаре языка Пушкина». По нашим же подсчётам, число народных просторечных оборотов, слов и их форм в сказке Ершова составляет в среднем около 21 на 100 стихов в редакции 1834 года и около 30 в редакции 1856 года, тогда как в «Сказке о царе Салтане» — только 5, то есть в 4-6 раз меньше. Различие велико даже по сравнению с ранней редакцией, не говоря уже об окончательной, которая заметно обогащена колоритными просторечными оборотами, как мы уже отмечали выше.

Добавим, что хотя объем лексикона обеих редакций «Конька-Горбунка» и меньше, чем «Сказки о царе Салтане», сам по себе язык Ершова достаточно богат и разнообразен, насыщен народной лексикой. Это опровергает утверждение Ладиса и Казаровецкого, что Пушкин иронизировал, когда говорил: «Этот Ершов владеет русским языком, как своим крепостным мужиком», хотя юноша родом из Сибири и крепостных у него действительно не было. Кроме того, в устах Пушкина данное сравнение не уникально, его великий поэт употреблял и по отношению к другим авторам — в самом прямом смысле, в том числе и в письмах²¹.

Существуют и другие статистические методы для оценки поэтических произведений, развитые академиком А.Н. Колмогоровым и его единомышленниками, однако и проведенных несложных с расчётов вполне достаточно, чтобы выявить очевидные различия в ритмическом рисунке, напевности и объеме лексикона двух сказок, написанных четырёхстопным хореем. Эти произведения принадлежат разным авторам, которые отнюдь не прибегали к мистификации.

Следовательно, не только слабая аргументация А. Лациса и В. Козаровецкого, опровергаемая их оппонентами, но и статистическое исследование текстов позволяет сделать заключение, что приписывание А.С. Пушкину сказки П.А. Ершова «Конёк-Горбунок» совершенно не обосновано, как и издание этого произведения под именем великого поэта.

Ссылки и комментарии

- ¹ Пушкин в воспоминаниях современников. — СПб: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 46.
- ² Там же. Т. 2. С. 398.
- ³ *Гроссман Л.П.* Устная новелла Пушкина // Этюды о Пушкине. — М., 1923. С. 109-115.
- ⁴ Голос минувшего. 1922. № 2. С. 108-123.
- ⁵ Пушкин в воспоминаниях современников. — СПб: Академический проект, 1998. Т. 2. С. 228.
- ⁶ Парламентская газета. 2004. 26 ноября.
- ⁷ Гипотезы о еврейском и цыганском происхождении А.С. Пушкин убедительно опровергнуты в работе: *Корнакова А.С.* Курьёзные версии происхождения А.С. Пушкина // Отечественная война 1812 года в Подмоскowie. Отечественная войны 1812 г. и А.С.Пушкин. Материалы XVIII Пушкинской конференции и XVII Троицких чтений. С. Большие Вязёмы Московской обл. 6-7 октября 2012 г. — М.: «Мелихово», 2013. С. 260-267.
- ⁸ *Петраков Н.Я.* Последняя игра Александра Пушкина. — М.: Экономика, 2003.
- ⁹ *Лацис А.А.* Верните лошадь! Пушкиноведческий детектив. — М.: Московские учебники и картолитография, 2003.
- ¹⁰ Новая газета. 2008. 6 июня.
- ¹¹ Новая газета. 2010. 7 июля.
- ¹² <http://www.rospisatel.ru/savtshenkova.htm>
- ¹³ См. например: *Фролова Л.А.* К вопросу о двух редакциях сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. — Ишим; Тобольск. 2005. — С. 25-28.
- ¹⁴ *Томашевский Б.В.* О стихе. — Л.: Прибой, 1929.
- ¹⁵ *Егорова Е.Н.* Сказки пушкинского детства. — М. — Большое Болдино, 2015. С. 5-24.
- ¹⁶ *Артамонов М.Д.* Под вечными сводами. — М.: Русский мир, 2006. С. 322-323.
- ¹⁷ *Егорова Е.Н.* Особенности ритмики ямба и хорей у А.С. Пушкина // А.С. Пушкин в Подмоскowie и Москве. Материалы XVI Пушкинской конференции и XV Троицких чтений. С. Большие Вязёмы Московской обл. 3-4 октября 2014 г. — М.: «Мелихово», 2015. С. 87-107.
- ¹⁸ *Артамонов М.Д.* Под вечными сводами.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ В 2013 году на международной научной конференции «Болдинские чтения» учёный секретарь Пушкинской комиссии, с.н.с. Пушкинского дома А.Ю. Балакин с конкретными аргументами и цитатами полемизировал по этому поводу с В.А. Казаровецким, но тот, как обычно, к серьёзным аргументам не прислушался и продолжал утверждать, что хоть в других случаях Пушкин говорил и писал эту фразу в прямом смысле, но в случае с Ершовым — в обратном.